

Подлые корни — ядовитые всходы

Представленная ниже статья видного партийного функционера 1920-х — начала 1930-х годов Ларина (Лурье) — один из многих опытов, исполненных в жанре «головокружения от успехов». Как известно, именно так называлась знаменитая статья И. В. Сталина, написанная в марте 1930 года. Тогда, в ужасе от наметившегося сопротивления начавшейся коллективизации, большевистский вождь поторопился объявить наиболее одиозные проявления собственной политики «перегибами» и свалить ответственность за них на местные власти и рядовых исполнителей, которые, как теперь хорошо известно, всего лишь строго следовали «линии партии».

Точно так же Ларин (Лурье) спешит списать на таких же «стрелочников» «зигзаги» большевистской национальной политики, вызывавшие активное недовольство населения — причем не только «бывших» и «мелкобуржуазных элементов» (которые едва ли стали бы жаловаться в «Правду» образца середины 1920-х годов), но и членов ВКП(б). Между тем являлись ли «извращением» меры по «национализации» образования и культурной жизни, на которые жаловались авторы обращений в центральный партийный орган? Отнюдь.

Уже в первые месяцы после своего победоносного прихода к власти в октябре 1917 года большевистское руководство ощутило то, о чем его изначально предупреждали соратники по левому флангу политических сил пред- и постреволюционной России. А именно: что эта партия не пользуется поддержкой большинства населения, и что в одиночку удержать власть ординарными мерами она не сможет. Решительно отвергнув всякого рода «ульгиматумы Викжеля», В. И. Ленин и его соратники, тем не менее, чем дальше, тем в большей степени осознавали крайнюю ограниченность социальной базы своей власти. Отсюда (среди прочего) — и курс на союз с «попугчиками», националистами-русофобами, ставший особенно актуальным после 1921 года, когда кронштадтский мятеж четко показал, что далее удерживаться у власти путем одних только репрессий уже не получится.

Стремясь привлечь на свою сторону симпатии национальных меньшинств, и главным образом — их элит, большевистские власти проявили почти беспредельную гибкость. И откровенное насаждение национальных языков в делопроизводстве и системе образования (заметим: на фоне совершенно серьезного обсуждения планов перевода русского языка на латинскую графику), о которых пишет Ларин (Лурье), было лишь частью этой

политики. К этому следует добавить также и всемерное продвижение «национальных» кадров, и щедрую (порой — даже явно непропорциональную) поддержку «национальных» литератур, театра, кинематографа и т. п. И наконец (и далеко не в последнюю очередь!) то, что официальная пропаганда практически открыто использовала националистическую риторику.

Одновременно лучшие силы старой интеллигенции безжалостно выкорчевывались под предлогом борьбы с «великорусским шовинизмом». В те годы многие представители классической русской культуры (далеко не только этнические русские) прошли через тюрьмы и ссылки; в лучшем случае — были изгнаны из своих университетов и научных институтов. В 1929—1931 годах репрессиям подверглись академики С. Ф. Платонов, Е. Ф. Тарле, С. В. Бахрушин, Д. Н. Егоров, В. Н. Бенешевич и другие видные ученые. В то же время «национально мыслящим» (пусть даже и откровенно «буржуазным») интеллектуалам щедро раздавались университетские кафедры — как освободившиеся, так и вновь учрежденные. Так, например, во имя создания «идеологически правильной» версии истории Украины, свободной от «великорусского шовинизма», в 1924 году вернуться в СССР было разрешено даже бывшему председателю Центральной Рады Украинской Народной Республики Грушевскому, в недавнем прошлом — злейшему врагу Советской власти. В 1929-м этот экс-профессор Львовского университета был даже избран действительным членом АН СССР. В том же году развернулось печально памятное «академическое дело». В ходе него точно так же для целей «белоруссизации» советское правительство активно привлекло националистически настроенного Довнар-Запольского, крайне мало похожего на «пролетарского историка», и т. п.

Политика «национализации» культуры и образования, осуществлявшаяся в СССР в начале 1920-х—1930-х годов, проводилась с таким размахом, что вышла далеко за рамки действительно необходимых мер по защите культурных прав национальных меньшинств. Если царскую Россию не без определенных оснований именовали «тюрьмой народов», то Советский Союз превратился в настоящую «кузницу наций». И хотя заигрывание с местными этнократиями резко пошло на убыль с начала 1930-х годов, окончательно с ним так и не было покончено до самого конца советской эпохи. Горькие плоды этой политики мы ощущаем до сих пор.

В заключение заметим, что история — веселая штука! Глядя, как взбесившиеся от безнаказанности украинские националисты уничтожают памятники В. И. Ленину, как не вспомнить, что, не будь вождя — не было бы и украинской государственности, по крайней мере — в ее нынешних границах. Сыновья, восставшие против своих отцов? Скорее — против дедов и прадедов. Но в остальном, кажется, верно. ◆